

Заключительное слово товарища СТАЛИНА на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г.

Говорили!

Я говорил в своем докладе об основных вопросах обсуждаемого дела. Прения показали, что у нас имеется теперь полная ясность, имеется понимание задач и есть готовность ликвидировать недостатки нашей работы. Но прения показали также, что есть некоторые конкретные вопросы нашей организационно-политической практики, по которым нет еще у нас вполне ясного понимания. Такких вопросов я насчитал семь.

Разрешите сказать несколько слов об этих вопросах.

1) Теперь, надо полагать, все поняли, осознали, что чрезмерное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными успехами при недооценке и забвении партийно-политических вопросов — ведет к тупику. Необходимо, стало быть, повернуть внимание работников в сторону партийно-политических вопросов с тем, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы.

Как практически осуществить задачу усиления партийно-политической работы, задачу освобождения партийных организаций от хозяйственных мелочей? Как видно из прений, некоторые товарищи склонны делать из этого неправильный вывод о том, что теперь придется будто бы отойти вовсе от хозяйственной работы. По крайней мере были голоса: ну, теперь, слава богу, освободимся от хозяйственных дел, теперь можно заняться и партийно-политической работой. Правильен ли этот вывод? Нет, неправилен. Когда наши партийные товарищи, увлекаясь хозяйственными успехами, отходили от политики, это была крайность, стоившая нам больших жертв. Если теперь некоторые наши товарищи, берясь за усиление партийно-политической работы, вздумают отойти от хозяйства, то это будет другая крайность, которая будет нам стоить не меньших жертв. Нельзя паразитировать от одной крайности к другой. Нельзя отделять политику от хозяйства. Мы не можем уйти от хозяйства так же, как не можем уйти от политики. Для удобства изучения политики обычно отделяют методологически вопросы хозяйства от вопросов политики. Но это делается лишь методологически, искусственно, только для удобства изучения. В жизни, наоборот, на практике политика и хозяйство неотделимы. Они существуют вместе и действуют вместе. И тот, кто думает в нашей практической политике отделить хозяйство от политики, усилить хозяйственную работу ценой умаления политической работы или, наоборот, усилить политическую работу ценой умаления хозяйственной работы, — тот обязательно попадает в тупик.

Смысл известного пункта проекта резолюции об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей и усилении партийно-политической работы состоит не в том, чтобы отойти от хозяйственной работы и хозяйственного руководства, а только лишь в том, чтобы не допускать больше практики подмены и обезличения хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них. Нужно дать хозяйственным органам и прежде всего земельным органам лучших людей, нужно укомплектовать эти органы новыми лучшими работниками, способными выполнять возложенные на них задачи. Только после того, как будет проделана эта работа, можно будет рассчитывать на то, что партийные организации будут полностью освобождены от хозяйственных мелочей. Понятно, что дело это серьезное и требует известного времени. Но пока это не сделано, партийные организации придется и впредь, на определенно короткий срок, заниматься вплотную сельскохозяйственными делами со всеми их мелочами, пахотой, севом, уборкой и т. д.

2) Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспроцентную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений.

Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания яноно-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход.

Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опарачивать теперь таких товарищей.

Среди наших товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Не хорошо, конечно, что они преврали свою личную приятельскую связь с отдельными троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами.

3) Что значит — правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе?

Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, т. е. заслуживают ли они политического доверия и, во-вторых, по деловому признаку, т. е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы.

Это значит не превращать деловой подход в деляческий подход, когда люди интересуются деловыми качествами работников, но не интересуются их политической физиономией.

Это значит не превращать политический подход в единственный и исчерпывающий подход, когда люди интересуются политической физиономией работников, но не интересуются их деловыми качествами.

Можно ли сказать, что это большевистское правило выполняется нашими партийными товарищами? К сожалению, нельзя этого сказать. Здесь на пленуме уже говорили об этом. Но не сказали всего. Дело в том, что это испытанное правило нарушается в нашей практике сплошь и рядом и при том самым грубым образом. Чаще всего подбирают работников не по объективным признакам, а по признакам случайным, субъективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности.

Понятно, что вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах.

Не трудно понять, что в такой семейственной обстановке не может быть места ни для критики недостатков работы, ни для самокритики руководителей работы.

Понятно, что такая семейственная обстановка создает благоприятную среду для выращивания подхалимов, людей, лишенных чувства своего достоинства и потому не имеющих ничего общего с большевизмом.

Взять, например, товарищей Мирзояна и Вайнова. Первый из них является секретарем краевой партийной организации Казахстана, второй — секретарем Ярославской областной партийной организации. Эти люди в нашей среде — не последние работники. А как они подбирают работников? Первый перетаскал с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих» людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетаскал с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты. Есть, стало быть, своя артель у товарища Мирзояна. Есть она и у товарища Вайнова. Разве нельзя было подобрать работников из местных людей, руководствуясь известным большевистским правилом о подборе и расстановке людей? Конечно, можно было бы. Почему же они этого не сделали? Потому, что большевистское правило подбора работников исключает возможность обывательски-мещанского подхода, исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности. Кроме того, подбирая в качестве работников лично преданных людей, эти товарищи хотели, видимо, создать для себя обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии. Допустим, что товарищи Мирзоян и Вайнов в силу тех или иных обстоятельств будут переведены из места нынешней их работы в какие-либо другие места. Как они должны поступать в таком случае в отношении своих «хвостов»? Неужели им придется снова перетаскивать их в новые места своей работы?

Вот к какому абсурду приводит нарушение большевистского правила о правильном подборе и расстановке работников.

4) Что значит — проверять работников, проверять выполнение заданий?

Проверять работников, это значит проверять их не по их обещаниям и декларациям, а по результатам их работы.

Проверять выполнение заданий, это значит проверять их не только в канцелярии и не только по формальным отчетам, но прежде всего проверять их на месте работы по фактическим результатам исполнения.

Нужна ли вообще такая проверка? Безусловно, нужна. Нужна, во-первых, потому, что только такая проверка дает возможность распознать работника, определить его действительные качества. Нужна, во-вторых, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки исполнения заданий.

Некоторые товарищи думают, что проверять людей можно только сверху, когда руководители проверяют руководимых по результатам их работы. Это неверно. Проверка сверху, конечно, нужна, как одна из действительных мер проверки людей и проверки исполнения заданий. Но проверка сверху далеко еще не исчерпывает всего дела проверки. Существует еще другого рода проверка, проверка снизу, когда массы, когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления. Этого рода проверка является одним из самых действительных способов проверки людей.

Партийные массы проверяют своих руководителей на активах, на конференциях, на съездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководящих товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует устав нашей партии, безусловная выборность партийных органов, право выдвижения и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики, — все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс.

Беспартийные массы проверяют своих хозяйственных, профессиональных и иных руководителей на беспартийных активах, на массовых совещаниях всякого рода, где они заслушивают отчеты своих руководителей, критикуют недостатки и намечают пути их исправления. Наконец, народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Задача состоит в том, чтобы соединить проверку сверху с проверкой снизу.

5) Что значит — обучать кадры на их собственных ошибках?

Ленин учил, что добросовестное вскрытие ошибок партии, изучение причин, породивших эти ошибки, и намечение путей, необходимых для исправления этих ошибок, является одним из вернейших средств правильного обучения и воспитания партийных кадров, правильного обучения и воспитания рабочего класса и трудящихся масс. Ленин говорит:

«Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение класса, а затем и массы».

Это значит, что обязанностью большевиков является не замазывание своих ошибок, не увливание от вопроса об их ошибках, как это бывает у нас часто, а честное и открытое признание своих ошибок, честное и открытое намечение путей для исправления этих ошибок, честное и открытое исправление своих ошибок.

Я бы не сказал, чтобы многие из наших товарищей с удовольствием пошли на это дело. Но большевики, если они действительно хотят быть большевиками, должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки, вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание. Ибо только на этом пути, только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно большевистские кадры, можно воспитать действительно большевистских лидеров.

Два примера, демонстрирующие правильность положения Ленина.

Взять, например, наши ошибки с колхозным строительством. Вы помните, должно быть, 1930 год, когда наши партийные товарищи думали разрешить сложнейший вопрос перевода крестьянства на колхозное строительство в какие-нибудь 3—4 месяца и когда Центральный Комитет партии оказался вынужденным осадить увлекающихся товарищей. Это был один из самых опас-

ных периодов в жизни нашей партии. Ошибка состояла в том, что наши партийные товарищи забыли о добровольности колхозного строительства, забыли, что нельзя переводить крестьян на колхозный путь путем административного нажима, забыли, что колхозное строительство требует не нескольких месяцев, а нескольких лет тщательной и продуманной работы. Они забыли об этом и не хотели признавать своих ошибок. Вы помните, должно быть, что указание ЦК о головокружении от успехов и о том, чтобы наши товарищи на местах не забежали вперед, игнорируя реальную обстановку, — было встречено в штыки. Но это не удержало ЦК от того, чтобы пойти против течения и повернуть наших партийных товарищей на правильный путь. И что же? Теперь ясно для всех, что партия добились своего, повернув наших партийных товарищей на правильный путь. Сейчас у нас имеются десятки тысяч великолепных кадров из крестьян по колхозному строительству и колхозному управлению. Эти кадры выросли и воспитались на ошибках 1930 года. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Другой пример уже из области промышленного строительства. Я имею в виду наши ошибки в период шахтинского вредительства. Наши ошибки состояли в том, что мы не учитывали всей опасности технической отсталости наших кадров в промышленности, мы мирись с этой отсталостью и думали развернуть широкое социалистическое промышленное строительство при помощи враждебно настроенных специалистов, обречая наши хозяйственные кадры на роль плохих комиссаров при буржуазных специалистах. Вы помните, должно быть, как неохотно признавали тогда наши хозяйственные кадры свои ошибки, как неохотно признавали они свою техническую отсталость и до чего тут усваивали они лозунг — «овладеть техникой». И что же? Факты показывают, что лозунг «овладеть техникой» возмел свое действие и дал свои благие результаты. Теперь у нас имеются десятки и сотни тысяч великолепных большевистских хозяйственных кадров, уже овладевших техникой и двигающих вперед нашу промышленность. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия спасовала перед упорством хозяйственников, не желавших признать свою техническую отсталость, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Некоторые товарищи говорят, что целесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами, как наша слабость, и может быть использована ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, поднять силу и мощь нашего государства. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится.

Другие товарищи говорят, что открытое признание наших ошибок может привести не к обучению и укреплению наших кадров, а к их ослаблению и расстройству, что мы должны щадить и беречь свои кадры, что мы должны щадить их самолюбие и спокойствие. Для этого они предлагают замазывать ошибки наших товарищей, ослабить силу критики, а еще лучше — пройти мимо этих ошибок. Такая установка является не только в корне неправильной, но и в высшей степени опасной, опасной прежде всего для кадров, которые хотя «щадить» и «беречь». Щадить и сохранять кадры при помощи замазывания их ошибок, — это значит наверняка губить эти самые кадры. Мы бы наверняка загубили свои колхозные большевистские кадры, если бы не вскрыли ошибок 1930 года и не обучили их на этих ошибках. Мы бы наверняка загубили свои промышленные большевистские кадры, если бы мы не вскрыли ошибок наших товарищей в период шахтинского вредительства и не обучили наши промышленные кадры на этих ошибках. Кто думает щадить самолюбие наших кадров путем замазывания их ошибок, тот губит и кадры, и самолюбие кадров, ибо он замазыванием их ошибок облегчает повторение новых, может быть более серьезных ошибок, которые, надо полагать, приведут к полному провалу кадров в ущерб их «самолюбию» и «спокойствию».

6) Ленин учил нас не только учить массы, но и учиться у масс.

Что это значит?

Это значит, во-первых, что мы, руководители, не должны зазнаваться и должны понимать, что, если мы являемся членами ЦК или наркомов, то это еще не значит, что мы обладаем всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание — тем более.

Это значит, во-вторых, что одного лишь нашего опыта, опыта руководителей недостаточно для того, чтобы правильно руководить, что необходимо, стало быть, дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом народа.

Это значит, в-третьих, ни на минуту не ослаблять, а тем более не разрывая наших связей с массами.

Это значит, в-четвертых, чутко прислушиваться к голосу масс, к голосу рядовых членов партии, к голосу так называемых «маленьких людей», к голосу народа.

Что значит правильно руководить?

Это вовсе не значит сидеть в канцелярии и строчить директивы.

Правильно руководить — это значит: во-первых, найти правильное решение вопроса. А правильное решение невозможно найти без учета опыта масс, которые на своей собственной спине испытывают результаты нашего руководства;

во-вторых, организовать проведение в жизнь правильного решения, чего, однако, нельзя сделать без прямой помощи со стороны масс;

в-третьих, организовать проверку исполнения этого решения, чего, олять-таки, невозможно сделать без прямой помощи масс.

Мы, руководители, видим вещи, со бытия, людей только с одной стороны, я бы сказал — сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал — снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным.

Вот что значит не только учить массы, но и учиться у масс.

Два примера, демонстрирующие правильность этого положения Ленина.

Это было несколько лет тому назад. Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос об улучшении положения в Донбассе. Проект мероприятий, представленный Наркомтяжмашем, был явно неудовлетворительным. Трижды возвращали проект в Наркомтяжмаш. Трижды получали из Наркомтяжмаша все разные проекты. И все же нельзя было признать их удовлетворительными. Наконец, мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственных и профессиональных работников. Три дня беседовали с этими товарищами. И все мы, члены ЦК, должны были признать, что только они, эти рядовые работники, эти «маленькие люди» сумели подсказать нам правильное решение. Вы помните, должно быть, известное решение ЦК и Совнаркома о мерах усиления добычи угля в Донбассе. Так вот это решение ЦК и Совнаркома, которое признано всеми нашими товарищами правильным и даже знаменитым решением, подсказали нам простые люди из низов.

Другой пример. Я имею в виду пример с тов. Николаенко. Кто такая Николаенко? Николаенко — это рядовой член партии. Она — обыкновенный «маленький человек». Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам, зажим самокритики, засилье троцкистских вредителей. От нее отказались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии. Ни Киевская организация, ни ЦК КП(б)У не помогли ей добиться правды. Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была неправа. Ни больше, ни меньше. А ведь кто такая Николаенко? Она, конечно, не член ЦК, она не нарком, она не секретарь Киевской областной организации, она даже не секретарь какой-либо ячейки, она только простой рядовой член партии.

Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения.

Можно было бы привести еще десятки и сотни таких примеров.

Выходит таким образом, что для руководства нашим делом, одного лишь нашего опыта, опыта руководителей, далеко еще недостаточно. Для того, чтобы правильно руководить, необходимо опыт руководителей дополнить опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом трудящихся, опытом так называемых «маленьких людей».

А когда это возможно?

Это возможно лишь в том случае, если руководители связаны с массами теснейшим образом, если они связаны с партийными массами, с рабочим классом, с крестьянством, с трудовой интеллигенцией.

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс, — вот в чем сила и необходимость большевистского руководства.

Можно признать как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимыми. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились

Заключительное слово товарища СТАЛИНА на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г.

Окончание. Начало см. стр. 2

всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил — этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось лечь на землю, к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот настигла враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Гераклес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства.

7) Наконец, еще один вопрос. Я имею в виду вопрос о формальном и бездушном-бюрократическом отношении некото-

рых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии членов партии, или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии. Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают, чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. Именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их оглулом, без меры, либо избывают их также оглулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства.

Сами по себе троцкисты никогда не

представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то-есть около полпроцента, и воздержалось 2600 членов партии. Не приняло участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам, голосовавших за троцкистов, прибавить всех воздержавшихся,—полагаю, что они тоже сочувствовали троцкистам,—и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а пять процентов не участвовавших, то-есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил. И если, несмотря на это, троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии, то это потому, что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы.

Исключают большей частью за так называемую пассивность. Что такое пассивность? Считают, оказывается, что ежели член партии не усвоил программу партии, то он пассивен и подлежит исключению. Но это же неправильно, товарищи. Нельзя же так буквально толковать устав нашей партии. Чтобы усвоить программу партии, надо быть настоящим марксистом, проверенным и теоретически подготовленным марксистом. Я не знаю, много ли найдется у нас членов партии, которые уже усвоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если идти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна такая партия? У нас имеется проверенная и выдержавшая все испытания ленинская формула о членстве в партии. По этой формуле членом партии считается тот, кто признает программу партии, платит членские взносы и работает в одной из ее организаций. Обратите внимание: в ленинской формуле говорится не об усвоении программы, а о признании программы. Это две совершенно различные вещи. Нечего и доказывать, что прав здесь Ленин, а не наши партийные товарищи, все болтающие об усвоении программы. Оно и понятно. Если бы партия исходила из того, что членами партии могут быть только такие товарищи, которые уже усвоили программу и стали теоретически подготовленными марксистами, то она не создавала бы в партии тысячи партийных кружков, сотни партийных школ, где членов партии обучают марксизму и помогают им усвоить нашу программу. Совершенно ясно, что если партия организует такие школы и кружки

среди членов партии, то это потому, что она знает, что члены партии не успели еще усвоить партийную программу, не успели еще стать теоретически подготовленными марксистами.

Стало быть, чтобы выправить нашу политику по вопросу о членстве в партии и об исключении из партии, необходимо покончить с нынешним головотяпским толкованием вопроса о пассивности.

Но у нас есть еще другая погрешность в этой области. Дело в том, что наши товарищи не признают середины между двумя крайностями. Стоит рабочему, члену партии слегка провиниться, опоздать раз—два на партийное собрание, не заплатить почему-либо членских взносов, чтобы его мигом выкинули вон из партии. Не интересуются степенью его провинности, причиной неявки на собрание, причиной неплатежа членских взносов. Бюрократизм в этих вопросах прямо невиданный. Не трудно понять, что именно в результате такой бездушной политики оказались выброшенными из партии замечательные кадровые рабочие, великодушные стахановцы. А разве нельзя было, раньше чем исключить из партии, сделать предупреждение, если это не действует — поставить на вид или вынести выговор, а если и это не действует — поставить срок для исправления или, в крайнем случае, перевести в кандидаты, но не исключать с маху из партии? Конечно, можно было. Но для этого требуется внимательное отношение к людям, к членам партии, к судьбе членов партии. А этого то и не хватает у некоторых наших товарищей.

Пора, товарищи, давно пора покончить с этим безобразием. (Аплодисменты.)

ОБЩЕМОСКОВСКОЕ СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ

2 апреля

Это была, по сути дела, первая проверка многих членов правления ЦСР «снизу». Выбрали поименным голосованием. В президиум избраны: А. Новиков-Прибой, В. Ставский, А. Фадеев, Н. Тихонов, В. Вишневский, М. Голодный, Ф. Волф, Джерманетто, Д. Бедный и Л. Леонов.

С докладом «Об итогах пленума ЦК ВКП(б) и о задачах союза писателей» выступил ответственный секретарь правления ЦСР т. В. Ставский.

В той части, которая посвящена была характеристике положения союза и стоящих перед ним задач, доклад не был убедительным, ибо являлся в основном повторением того, о чем Ставский говорил уже на последнем пленуме и на собрании ленинградских писателей и о чем уже неоднократно информировала наша печать. Нельзя упрекнуть т. Ставского в отсутствии самокритики. Но эта самокритика носила слишком общий характер. Не были глубоко вскрыты корни ошибок, допущенных руководством ЦСР, не были привлечены к докладу новые фактические материалы, которые позволили бы отчетливее разгадать причины отхода ЦСР от творческой жизни писателей.

Правильно сделал т. Ставский, что поставил вопрос о самокритике не односторонне, что, говоря о плохой работе союза и его руководства, требовал и от самих писателей повышения своей ответственности за работу ЦСР и за литературу в целом. Но опять-таки и здесь нужно было говорить не «вообще», а об определенных писателях и определенных тенденциях в советской литературе, поставив ряд вопросов творческого порядка.

Говоря о работе «Литературной газеты», т. Ставский заявляет, что редакция газеты разрешила себе своеобразный торг: она предлагала т. Баянскому взять из стенограммы его речи на пленуме критическое замечание об Успенчике и взамен этого обещала не печатать стенограммы речи Розенталя, который критиковал Баянского. Тов. Ставский заявляет, что редакция газеты сделала ошибку, «промаршировав» статью Нусинова о книге И. Макарова и предложив И. Нусинову смягчить оценку, данную им в статье.

Основные выводы, которые докладчик делает из своей характеристики положения в союзе, сводятся к следующему:

В союзе писателей не соблюдались элементарные принципы советской демократии.

Система назначенчества, келейных решений, бюрократической опеки практиковалась в союзе писателей со дня его возникновения.

Устав союза превратился в мертвую букву, и этим обстоятельством ловко воспользовались враги народа: они пролезали в ЦСР и даже ухитрились занять кое-где (напр., в Ленинграде) командные вышки, хотя они никогда не создавали провинциальных, имевших самостоятельную художественную ценность, и уже по одному этому не подлежащих приему в члены организации.

Союз не сумел установить тесной творческой связи с литературой братских народов, не сумел сделать лучшие достижения этой литературы достоянием всей страны, не имел даже представления о реальном

соотношении сил в литературе каждой республики, о тенденциях ее развития.

В недрах организации скопился лишний балласт, состоящий либо из откровенных халтурщиков, либо из болтающих, но творчески бессильных элементов.

Руководство ЦСР не поставило своевременно вопроса об освобождении от этого балласта, так же, как не сумело выдвинуть многих, наиболее талантливых, представителей литературной молодежи.

Не все члены секретариата и правления оказались работоспособными, и никогда ни на одном собрании, ни на одном расширенном заседании при участии актива или пленуме не был поставлен вопрос о выводе тех, кто может ограничиться лишь ролью «почетных наблюдателей».

Решения последнего пленума ЦК партии, генеральные указания товарища Сталина о советской демократии делают вперед невозможными подобные порядки, наносят сокрушительный удар по всем разновидностям бюрократизма, делячества, по всем извращениям основ партийной политики.

Вся писательская масса берет сейчас на себя ответственность за судьбу советской литературы. Она не передоверит этой ответственности людям, способным действовать только бюрократическими методами, людям, которые глубоко равнодушны к творческим проблемам.

На ближайшем пленуме правления,—заявляет т. Ставский,—писатели возьмут новое руководство. Не подлежит никакому сомнению, что на этот раз руководство, избранное тайным голосованием, будет целиком отвечать интересам писательской массы и сумеет использовать ее активность, сумеет повести ее на осуществление задач, стоящих перед литературой эпохи социализма.

Первым в прениях по докладу т. Ставского выступил писатель П. Богданов.

Оратор с большой радостью говорит о повороте в жизни всей страны и литературной общественности. О том, что серьезные сдвиги обозначились и внутри ЦСР, красноречиво свидетельствует, по словам т. Богданова, уже сам факт его выступления на собрании. Это за многие годы первый случай, когда ему удалось получить слово в порядке заявки. Обычно до него, как и прежде, и до многих других писателей его «ранга», очередь не доходила.

Говоря о бюрократическом укладе в ЦСР, т. Богданов обращается нежно к «истории» для того, чтобы освежить в памяти собравшихся факты, свидетельствующие о невинности руководства к своевременным сигналам критики и о методах воздействия на тех, кто осмеливался задеть вельмож от литературы.

Не мешало бы тов. Богданову поговорить и о самом себе.

Почему он давно уже исчез из поля зрения как писатель? Где его книги? Ведь ходит «в молодости» Богданов уже никак невозможно: как-никак, а за сорок добрых лет столько лет писательского званья. Реальность же творческих результатов что-то не видать. Почему? Что мешает, что задерживает его рост? Об этом следовало бы поговорить.

Точно так же умолчал о себе и следующий оратор т. И. Уткин. То, что он говорил о союзе писателей, во многих отношениях верно: было и отсутствие самокритики, и провинциальная раздача патентов, и не-

мание к людям. Но совершенно неправильно и безответственно приписывает т. Уткин руководству ЦСР канонизирование какого-то одного творческого течения (какого?), чрезвычайной туманностью и недовольностью отличает его высказывания о борьбе двух направлений в советской литературе. Каких?

Самокритика означает жестокую борьбу не только против бюрократической косточки в работе ЦСР, но и против сорости в литературе, против зазнавшейся писателя, желающих вечно жить процентами с давнего капитала, иногда уже полностью расстрелянного.

Только такое понимание самокритики поможет превратить союз в подлинно творческую организацию.

Но, очевидно, т. Уткин смутно уясняет себе и функции союзя.

Во всяком случае, его формулировка «ЦСР должен быть только посредником между писателем и читателем» (!) заставляет думать, что Уткин не хочет видеть в лице союза творческую организацию.

Об отсутствии самокритики в союзе писателей резко говорил Л. Овалов. Он отмечает, в особенности, слабую работу партийной организации ЦСР. Она не сумела стать решающим фактором в изменении всей системы работы союза. О том, как игнорировались указания и предупреждения писателей, свидетельствует следующий факт: в 1935 году т. Овалов вернулся из Свердловска, где ему пришлось наблюдать подвильную работу троцкиста Селивановского.

Овалов пришел к руководству ЦСР и поделился своими наблюдениями. И все же на собрании, на котором Селивановский отчитывался, Овалов не был даже приглашен; в результате была, конечно, принята резолюция, вполне одобрившая работу Селивановского. Разве это не есть проявление той самой божественности, о которой говорил товарищ Сталин?

Указывая на забвение союзом творческих задач и увеличение вопросов хозяйственно-бытовых, т. Овалов подчеркивает, что и в этом направлении не соблюдались демократические принципы.

Тов. И. Чекин рассказывает о практике парадных совещаний и встреч, проводившихся в драмсекиции ЦСР. В подпольном большинстве случаев эти совещания были бесплодны и являлись лишним накладным расходом в бюджете секции. Творческой помощи никто из молодых драматургов не получал.

В значительной степени все это было обусловлено личными спонсорствами В. Киринова, как руководителя секции.

Барское отношение к молодым драматургам, недостаточное внимание к кровным интересам своих товарищей по секции — вот что характеризовало для т. Киринова, вот что мешало обратиться к нему за помощью и советом.

Да и встретиться с ним было не так-то просто.

О работе иностранной комиссии ЦСР говорил выступивший в этот вечер последний т. С. Динамов.

Уже восемь месяцев, как председатель комиссии тов. М. Кольцов уехал в Испанию, и обязанности его целиком перешли к его заместителю, т. Аллетину.

Деятельность т. Аллетина привела к тому, что иностранная комиссия стала своеобразным дубликатом ВКР. Она не в состоянии справиться с теми серьезными задачами, которыми сейчас стоят перед ней с большей остротой, чем когда-либо.

Чтобы понять это, достаточно хотя бы бегло ознакомиться с огромными сдвигами, произошедшими в западноевропейской и американской художественной интеллигенции. Лучшие представители этой интеллигенции разглядели полнину существа фашизма и его троцкистской агентуры и решительно переходят в лагерь революции, на позиции народного фронта.

Совершенно естественно, что в этих условиях необычайно возрастает интерес к советской культуре, усиливается тяга к советской стране, социалистической действительности.

Может ли сыграть положительную роль в пропаганде наших культурных достижений и в приобщении советских масс к лучшим созданиям мировой революционной литературы и искусства такая чужая, бессильная комиссия, какой является сейчас иностранная комиссия ЦСР?

Почему же руководство союза так недооценивает этот вопрос и не принимает решительно никаких мер к тому, чтобы изменить это нетерпимое положение?

Еще в октябре и ноябре прошлого года некоторые ленинградские писатели, приезжая в Москву, рассказывали т. Ставскому о неблагоприятных условиях в ленинградской организации.

Почему же т. Ставский и т. Вишневский собрались приехать в Ленинград лишь 17 марта 1937 г. — на общее собрание ленинградских писателей? Если бы руководители центрального правления союза адекватно анализировали бы тревожные сигналы, идущие из Ленинграда, наша организация не понесла бы таких больших накладных расходов.

Иллюстрацией бюрократизма и равнодушия, свавильной работы правления союза, может быть выступление т. Поповского. Как известно, «Комсомольская правда» предложила Поповскому ряд серьезных обвинений. Казалось бы, союз должен был проверить материалы, которые на протяжении долгого времени печатала «Комсомольская правда» и которые порочили Поповского как члена союза советских писателей. Если бы обвинения «Комсомольской правды» подтвердились — Поповскому не место в союзе писателей, и наоборот, если они не обоснованы, союз обязан был защитить неуваженно опорооченного писателя. Но союз не занялся этими вопросами.

О работе иностранной комиссии ЦСР говорит И. Анисимов. В общих чертах он обрисовывает процессы, идущие в западной литературе, когда лучшие мастера культуры прижимают к своему народу. Союз писателей не учитывает своей огромной роли в этом международном движении писателей. И в этом во многом повинна негодная работа иностранной комиссии союза.

Пугунская клеветническая книжка Андре Жюль «Возвращение из СССР», — говорит Анисимов, — не встретила сочувственного отклика во Франции, более того, лучшие силы французской литературы сплотились против Андре Жюль, создавая уже большую и прекрасную литературу, разгромившая Андре Жюль и его деятельность. Этот факт нужно было сделать достоянием широких кругов писателей, нужно было его проанализировать. И это было делом иностранной комиссии. Впрочем, как указывает т. Анисимов, иностранной комиссии фактически не существует, ее заменяет собой один работник — т. Аллетин. Эта иностранная комиссия, к работе которой почему-то не привлечены наши критики, работающие над западной литературой, не знает, что творится на Западе. Она не видит условий Французской литературы, она не знает и манеров нашего врага.

Работу национального сектора союза критикует т. Шамшиев. Он указывает, что в национальном секторе, как и в секторе национальной литературы Гослитиздата, с писателями предпочитают знакомиться по характеристикам, а не по книгам.

— В союзе писателей, — считает Л. Сейфуллина, — большим злом является отсутствие внимания к писателям.

Отрицательная и положительная критика идет по инерции. Союз не стал мужественной организацией, не только критикующей, но защищающей писателя, кола от этого заслуживает. Л. Сейфуллина говорит также о том, что партийное руководство союза не реагирует на критику беспартийных писателей. Еще полтора года тому назад писатели, в том числе и Л. Сейфуллина, указывали, что редактор журнала «Новый мир» т. Гронский не может руководить журналом. Заявления писателей вслушивались, но Гронский продолжает оставаться на посту редактора.

Безотрадное впечатление произвело на собрание выступление И. Молчанова. Время, посвященное ему регламентом, он использовал для того, чтобы опротестовать Е. Успенчик, критикующую его стихи. Единственную причину этой критики Молчанов усмотрел в том, что критик свел с ним личные счёты. Выступив с ним Молчанов надо отвести к тем реваншистским выступлениям, которыми не должно быть места на собраниях писателей. Ведь И. Молчанов о своей творческой работе ничего путного не мог сказать, если не считать заявления, что в 1932 году он... молчит и «собирается сил».

Любопытный эпизод из деятельности секретариата союза привел в своей речи В. Гроосман.

В прошлом году в Челябинске неожиданно прибыла телеграмма, подписанная секретарем правления ЦСР «По вашему уведомлению — гласила эта телеграмма — дискуссия о формализме и натурализме в Челябинске проходит на низком уровне. Принимите меры к повышению уровня дискуссии». Увы, эта «соперничая» руководству оказалась просто курьезной. — в Челябинске не только не проходило дискуссии, но там, как сообщает т. Гроосман, имеется всего лишь 3—4 писателя (один из них считается председателем челябинской литературной организации).

Выступивший на собрании директор Гослитиздата Н. Накоряков заявил, что за внешними успехами, за количественными показателями работы издательство проглядело главное — необходимость повысить качество литературы.

Гослитиздат сумел увеличить тиражи книг, улучшить свою материальную базу, но книг, получивших одобрение и признание многомиллионного читателя, он издал мало. Издательский план все еще основан на самолюбии, в этом, считает т. Накоряков, повинен и союз писателей. Союз писателей в лучшем случае, решает вопросы, интересующие того или иного осличку, но больших вопросов нашей литературы не разрешает.

Союз писателей не является еще творческим коллективом, руководящим работой отдельных писателей, имеющим свой творческий план, такой план, который мог бы определять и работу издательства.

Случайность парт и в работе с литературной молодежью. Н. Накоряков затронул вопрос о выборе автора, которого союз и издательство выделяли в последние годы. Надо заявить прямо и откровенно, — говорит он, — что писатели не занимаются выращиванием новых кадров, забывая прежрый опыт и огромную работу в этой области А. М. Горького. Гослитиздат не мог бороться тогда, чтобы крупнейшие писатели поработали в течение года хотя бы с одной рукописью молодого автора. В Иванов, В. Луговской и некоторые другие товарищи велись бы за эту работу, но бросили ее не закончив. От И. Баян, бегая издательство с трудом получило обратно переданные ему рукописи. И.

Накоряков говорит и о неблагополучии в редакторских кадрах. И. Нусинов, кажется, первый оратор, вспоминая, что на собраниях не ставится как центральная задача, стоящая перед партией задача литературной подготовки к двадцатилетию Октября. Ничего не говорится о провинциях, которыми писатели собираются встретить величайший пролетарский праздник.

В своей речи т. Нусинов правильно указывает, что «Литературная газета» мало писала о еврейских писателях. Но эти указаниями т. Нусинов ограничивает свои высказывания и о еврейской литературе в работе еврейской секции имеется много крупных недостатков. У Малевича о них т. Нусинов вообще не словозалов бы.

На утреннем заседании выступили тт. Кауричев и Т. Иванова (объединение жен писателей). Движение жен писателей, указала т. Иванова, не нашло поддержки ни у старого руководства партийной организации, ни у правления союза писателей. Помощь союза выразилась разве в том, что объединению жен предоставили три места в правлении Дома писателя. Но дело в том, что этого правления... давай уже не существует. Впрочем, указывает т. Иванова, по существу у нас и в Дома писателя, об этом мы не раз подавали докладные записки секретариату союза, но секретариат так и не согласился обсудить их.

ОБЩЕМОСКОВСКОЕ СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. 3 СТР

что Фадеев действительно для него не «какой-нибудь, не первый понаехавший писатель», как выразился Мирский, а писатель, сыгравший в его жизни «огромную роль».

Вторая ошибка Мирского — его статья в «Литературном наследстве», где он выдвинул печально-знаменитый тезис о сервильности Пушкина. В своей новой работе, монографии о Пушкине, сейчас заканчиваемой, Мирский обещает исправить и эту ошибку.

О Ленинградских делах говорили т. Миршиниченко и Брыкин. Вела от них выступлений заключалась в том, что ораторы не учли, во-первых, состава аудитории, подавляющему большинству которой уже известны на печати все факты Ленинградского литературного «жизньюбоя», и, во-вторых, в том, что оба оратора говорили одно и то же. Это и вызвало соответствующую реакцию зала, что дало т. Миршиниченко и Брыкину повод прекратить выступления в «неостепенительстве».

На собрании писателей часто раздаются голоса о том, что у нас в литературе есть много дурных репутаций, что необходимо совершить своего рода переоценку ценностей. Мысль, бесспорно, правильная. Но характерное дело:

Коль скоро является необходимость подкрепить это положение определенной аргументацией, коль скоро нужно перейти от общих слов к конкретным фактам, к конкретным именам, все ораторы сбиваются с тона. Так, например, случилось и с т. Мугуевым. Он долго говорил о том, что некоторые люди живут за счет прошлых заслуг, а когда из публики раздались голоса: «кто?», Мугуев замаялся и предпочел проскочить мимо вопроса.

К сожалению, не подошел вплотную к этому вопросу и Евгений Петров, говоривший об имени Ильфа. Евгений Петров тоже того мнения, что у нас есть дурные репутации. Вот тут бы и привести один-два ярких примера: в выступлениях таких писателей, как Ильф и Петров, пользующихся несомненным авторитетом в литературной среде, это прозвучало бы большое впечатление и, возможно, увлекло бы и многих других писателей на путь откровенных разговоров. Все же речь т. Петрова явилась освежающей струей в зале Политехнического Музея.

Интересные факты о разоблачении общественных средств Литфондом и драмсекцией привел тов. Ф. Березовский. Нужно отметить, что предвидя не созданной необходимой обстановкой для того, чтобы дать Березовскому, как председателю ревизионной комиссии ЦСР, отчитаться не формально, а по существу, и огласить полностью собранный материал. Задать вопросы Березовскому люди реагировали естественно, весьма возбужденно, поднимали шум, прерывали выступление все время репликами и доблестно своего: «ра».

4 апреля

Собрание вновь отменяется в пользу зала. Отсутствует большинство «живых» писателей, в том числе и некоторые члены правления союза.

Продолжаются прения по докладу т. Ставского в писательской среде. — говорит т. Москвитин, — нет заинтересованности работой друг друга. Писатели становятся похожими на чужих режиссеров, читающего только

тору пришлось отказаться от дальнейших сообщений.

Но и то, что было оглашено им, дает вполне выразительную картину неумелого хозяйничанья Литфонда и союза. Достаточно красноречиво следующий факт: в Москве проживают 867 членом и кандидатов ЦСР, а обслуживает их аппарат в составе 704 человек! Троицкий и двуручник Тарасов-Родионов получил в Литфонде сумму — 14 тысяч рублей. Троицкий Грудская, совершенно ничтожная в литературном смысле величина, автор бездарнейших статей, систематически получающая от Литфонда, бесплатные путевки в дома отдыха.

А как руководил секретариатом Дома советского писателя? — спрашивает т. Березовский. — Да никак. Ревизионная комиссия обнаружила в свое время прямое расхищение государственных средств прежним руководством ЦСР. Мы потребовали отчета под суд директора ЦСР, а руководство союза ограничилось увольнением расхитителя.

Все факты, оглашенные т. Березовским, произвели на собрание удручающее впечатление. Но позволено ли спросить т. Березовского:

Почему нужно было ждать этого именно собрания для того, чтобы передать гласности все имевшиеся у него в руках материалы? Почему он, как председатель ревизионной комиссии, не нашел в себе мужества своевременно выступить со своими разоблачениями? Понимает ли т. Березовский, что он не в меньшей, а, пожалуй, и в большей мере, чем другие, несет ответственность за все безобразия, о которых он с таким заповедным общением?

Тов. И. Альтман в порядке самокритики говорит о плохой работе возглавляемой им секцией переводчиков ЦСР. Одновременно т. Альтман указывает на недостаточное продвижение о реализации идеи А. М. Горького о создании алмазного народного ЦСР. Отсутствие такого алмаза сильно сокращает возможности пропаганды литературных достижений Советского Союза и, кроме того, лишает переводчиков пенга, вокруг которого они могли бы сгруппироваться.

Резкой критике подвергает т. Альтман работу секции драматургов. Эта секция не связана ни с театром, ни с союзом композиторов и ни в какой степени не способна вырабатывать новые кадры. Совершенно закономерно поэтому то обстоятельство, что все драматурги не питают к ней «теплых чувств». Странно, однако, то, что до сих пор никто решительно не поставил вопрос о переизбрании руководства драмсекции.

Одним из последних ораторов выступил на вечернем заседании 3 апреля Геннадий Финг. Его речь была посвящена развитию положений, выдвинутых им в статье, которая была недавно напечатана в «Литературном газете».

ко собственные статьи. Известно, что Дом писателя очень редко устраивает творческие вечера, но в эти редкие вечера писатели почти не бывали. Когда пост Каганов после ипольского молчания написал поэму, ему не с кем было ее обсудить. Некогда раз начинались обсуждения поэмы, но писатели упорно не приходили. Вечера Юрия Чуковского собирают полные залы читателей, но

когда вечер К. Чуковского был проведен в Доме писателя, на него пришли 20 человек семейства. Тов. Москвитин отмечает, что писатели слабо участвуют в работе «Литературной газеты». Газета недостаточно внимания уделяет жизни советской литературы.

К докладу т. Ставского возвращается собрание т. Болларин.

— Признать положение в союзе писателей неблагоприятным, — говорит он, — это не значит сделать политический доклад. Мы ожидали, что т. Ставский наметит практическую программу улучшения работы. Но это он сделал в явном недостаточной степени.

Союз писателей перестал быть демократической организацией. Это может быть хуже закрытых дверей руководителя организации и писемных столов канцелярии, стоящих между писательской массой и ее руководителями? Год назад т. Болларин поддал заявление о приеме его в союз, но от него прельщения до сих пор нет. В существе, как заявил он на собрании, у него остался лишь «спортивный» интерес: «как долго будет продолжаться игра бюрократического бесстрастия?»

На собрании резко критиковали работу драматической секции. Как заявил драматург И. Прут, почти все члены секции — Погодин, Вишневский, Афанасов — ничего не сделали для руководства драматургическим участком в союзе. Фактически руководителем драматической К. Киришона подменял коллегиальное руководство своеобразным единоличием. И. Прут приводит письмо отсутствующего из Москвы К. Тренева, который пишет следующее:

«Я верю, что бюро секции будет работоспособным и обеспечит драматургов посильной помощью. Киришона уверял, что мы, члены бюро, собирались часто. В действительности мы собирались раз в два месяца. Мне было поручено руководство управлением по охране авторских прав. Я серьезно являлся за это дело, но вскоре увидел, что никакого значения я не имею, ибо все шло помимо меня, прямо к Киришону. Я написал Киришону решительный протест. Я заявил ему, что если он мне не доверяет порученное дело, то по крайней мере пусть уведомляет меня о мерах, проводимых мной. Киришона мне ответил, что он ответственный секретарь, что он несет ответственность, а поэтому будет распоряжаться сам. Таким образом, мне пришлось оставить эту работу. На бюро я заявил, что наша роль советателей при Киришоне пестерима и позорна».

О барско-презрительном отношении руководителя секции к рядовым драматургам рассказывает т. Гайдовский: у т. Киришона не нашлось даже часа приема для рядовых членом союза, их заявления по полгода не рассматривались.

Секция драматургов не имела полноценного политического руководства. У нее не было никакого авторитета в театрах. За все это время ни одна поэма не была поставлена по рекоммендациям секции. Впрочем, о новых песнях секция узнавала только по газетной хронике. Ни одна поэма не была и снята по требованию писательской общественности. Более того, когда поэм московских драматургов отнимались по требованию общественности, секция проходила мимо этих фактов. В секции не нашли отклика такие важные решения, как о снятии «Богатырей» Демьяна Белоголовца, «Губернатор» Снетковича, «Мольера» Зусманова. Никаких выводов секция не делала. Вместо творческих вопросов секция преподлагала руководителю хозяйственным мероприятиям. Но и здесь, как известно, оказались вопиющие промахи, оказались жулики и воры, расхитившие сотни тысяч рублей.

...Безынтересно напоминают, что в течение долгого времени ближайшим помощником т. Киришона по руководству секцией был сам т. Гайдовский! Трудно поверить, что Гайдовский в течение двух лет не замечал вопиющих ошибок, провалов, безобразий в работе секции, и они открылись ему только сейчас, на собрании писателей.

И Шток отмечает, например, что из двадцати анонсированных театрами новых пьес советских драматургов поставлено только четыре. В этом повинны и драматурги, и Комитет по делам искусств, отличающийся странной робостью, когда дело доходит до нового драматургического произведения. Работники Комитета не решаются отменить пьесу, но и не решаются принять ее. Драматург В. Соловьев рассказывает, как директор Малого театра т. Лядов, узнав, что пьеса Соловьева написана на «острую тему», откровенно заявил ему: «Острым тем Малый театр ставить не будет». В уходе от острых тем, — считает т. Соловьев, — в схематизме и лириковости — серьезный недостаток многих последних работ наших драматургов и писателей.

Работа драмсекции по существу дела отражает и всю работу союза. — Практика союза писателей, — говорит т. Сидоренко, — не может нас удовлетворить. В докладе т. Ставского успешным мероприятием были названы 5 творческих собраний с писателями. Это тоже удивительное достижение союза: из 2000 человек литературной организации и 700 московских писателей правление нашло 5 писателей и бесовало с ними.

О недостаточном внимании к национальным литераторам говорит еврейский писатель т. Годинер. — В союзе писателей, — заявляет т. Сидоренко, — не было условий для развития критики и самокритики. Создается даже «обояма» между писателями, которую вообще не было принято критиковать. Руководитель союза отрывался от писательской масс. Руководители союза, секции, журналов не считали себя ответственными перед писательскими массами. В союзе существовала своеобразная «табеле о рангах», и на писателям рангом ниже в литературной организации никакого внимания не обращали.

О недостатках в деятельности иностранной комиссии, как и в работе немецкой секции, говорил немецкий писатель т. Барта. Польский писатель Држевецкий справедливо указывал, что союз должен с большим вниманием и чуткостью относиться к творческой работе иностранных писателей-эмигрантов, работающих в Москве. О воспитании молодых писателей говорил А. Исбах. Он напоминает о том, как торжественно открывались четыре года тому назад Литературный университет при союзе писателей, но за все время существования университета ни один крупный писатель не появился из его стен. Старшие писатели, за малым исключением, с молодежью не работают. Между тем, ряд фактов свидетельствует, что враги пытались охватить своим влиянием молодежь, в творчестве молодежи наблюдаются ряд нездоровых явлений, имеют хождение некоторые вредные теории и т. д. Все это говорит о том, что союз не выполняет своих обязанностей по воспитанию литературных кадров.

В первой половине дня выступили также И. Павлов, Сидоренко, Крайний. Последним выступил В. Брыкин, признавший, что только притупление политической бдительности могло привести к появлению в «Красной звезде» и других журналах вредных произведений. Притупление бдительности В. Ермаков объяс-

няет благодарием, сопровождавшее обсуждение президиумом оргкомитета тезисов вражеского доклада Бухарина с «суде писателей», и прорывление в литературу тарих книг, как «Юность Маркса», вредность которых была очевидна.

Одним из наиболее содержательных выступлений на заседании 4 апреля явилось выступление А. Фадеева.

Это была самокритика в подлинном понимании этого слова: откровенное суждение о работе своих товарищей, без сглаживания углов, без недоговорок. Тов. Фадеев исходил при этом из правильных позиций: все дело, главным образом, в том, чтобы писатели научились мужественно, нелицеприятно говорить друг другу правду в глаза. Это лучше всяких организационных мероприятий поможет создать творческую атмосферу, вне которой невозможно создание большого искусства. Это поможет коллективу заменить А. М. Горького, единственного человека, не считавшего ни с какими именами, ни с какими «званиями», когда он высказывал свое мнение об их творчестве.

Горький сбивал спесь с зазнавшихся писателей и делал этим полезное дело. Нужно продолжить эту линию великого пролетарского писателя, ибо и сейчас у нас немало писателей потеряло чувство самокритики, успокоилось, почивало на лаврах. Нужно, например, сказать Киришону, что его пьесы не могут выдержать «испытания временем», ибо в них нет живых характеров. А между тем, друзья Киришона восторженно ораждали его от критики. Всем памятен случай со статьей Луначарского о «Суде»: «Театр и драматургия» ни за что не хотел поместить эту статью, содержащую отрицательные отзывы о пьесе Киришона, — так эта статья в журнале и не появилась.

Нужно также сказать правду Леопольду, во Иванову, Бабелю. Эти писатели оторвались от жизни, отделились, стали наблюдателями и потому не могут подняться до уровня прежних своих произведений. Большие, настоящие художники, они обретут себя снова лишь тогда, когда опять пойдут «из жизни», окунутся в гущу нашей жизни.

Мысль о необходимости честной, товарищеской критики «за лоб» лежала и в основе выступления П. Маркина.

Маркин считает, что жертвой лести, замазывания ошибок становится, в первую очередь, сам художник. Это можно видеть на примере Сельвинского. Поэма Сельвинского «Челюскинана» была им неоднократно читана в товарищеском кругу, в различных культурных и литературных организациях, и никто не дал развернутой оценки недостатков поэмы, напротив — хвалили и захваливали во-всю. А потом из нескольких тысяч строк выдернули буквально 4—8 строк, и на этом основании разделили «Челюскинана» совершенно.

— Разве это метод воспитания поэта, да еще такого крупного, сильного, беспрерывно растущего поэта, как Сельвинский? — спрашивает Маркин. Почему никто своевременно не дал Сельвинскому нужных указаний, почему и до сих пор никто не удосужился выступить с серьезной критической статьей о напечатанных уже частях поэмы?

Разве ставит вопрос о критике и редактор журнала «Знамя» т. С. Рейзен в связи с появлением в «Комсомольской правде» статьи о романе Курочкина «Мои товарищи».

С. Рейзен возражает против тона этой статьи, тем более непримиримого, что речь идет о молодом и талантливом писателе. Рейзенчик «Знамя» считает своей задачей то, что ей удастся выявлять новые кадры, с которыми она проводит большую работу.

Тов. П. Рожков указывает, что в докладе Ставского отсутствовало основное — постановка вопроса о том, как следует разрешить в применении к литературной действительности лозунг товарища Сталина об овладении большевизмом. Другой крупнейшей недостаток доклада — это уход от ответа на вопрос о состоянии современной критики.

Удивляет в выступлениях т. Рожкова одно обстоятельство: почему он ни разу не вспомнил о том, как он сам все время изолировал себя от критической общественности своими статьями, где в неопознанных тонах охаживал всю советскую критику? Почему он не вспомнил о том, что именно он всегда выступал сестанки — нетерпимым против всех «синакомслижных» и отказывался признавать за другими право критиковать его.

А о том, что в теории Рожкова есть немало извращений, свидетельствует практика «Нового мира», где он руководит критическим отделом. Или Рожков действительно полагает, что кто-нибудь примет всерьез его наивные заявления, что все провалы «Нового мира» шли только по линии художественного отдела, а не критического? Нечего сказать, хорошие оправдания для человека, играющего одну из руководящих ролей в журнале.

Тов. Л. Субочий говорит о недостатках в работе «Литературной газеты». Газета до сих пор не развернула по-настоящему самокритики, которая все время шла не по коренным вопросам литературы. Основным недостатком газеты является отсутствие у нее крепкого писательского актива. До сих пор еще не поставлены, как следует, редакцией больше творческие вопросы, не было уделено должное внимание литературе и культуре братских народов и творчеству молодежи. В дальнейшей своей работе редакция «Литературной газеты» обязана мобилизовать все силы для того, чтобы превратить газету в боевой орган союза писателей, орган, обслуживающий и отражающий интерес литературной общественности не только Москвы, как это, в сущности, было до сих пор, но и всего Советского Союза. Редакция ставит себе задачу давать систематические обзоры проблемного характера, шире освещать литературу, выпускаемую периферийными издательствами, привлечь к сотрудничеству людей, которые прочно связаны с литературой национальностей СССР и могли бы регулярно отражать ее достижения на страницах газеты.

В заключение т. Субочий останавливается на пущенных в ход версиях о том, что редакция «Литературной газеты» будто воткнула «в тор» с А. Безмыслиным относительно изятия из стенограммы его речи замечания об Усневич, а также просила И. Нусинова «смянуть» его статью о романе Ивана Макарова.

Обе эти версии не верны. В первом случае речь шла только о том, чтобы изъять место, где Безмыслиный ставит критика-коммуниста Усневич рядом с троцкистом и двуручником Сельвинского и правым отщепенцем Бухарина. Естественно, что изятие этого места у Безмыслиного должно повлечь за собой удержание и полемического ответа в речи Розенталя. Но Безмыслиный настаивал на том, что его стенограмма была напечатана

полностью, а стенограмма речи Розенталя в урезанном виде, угрожая в парторганизации ЦСР.

Что же касается случая с Нусиновым, то здесь дело обстоит просто: Нусинов написал плохую статью о романе Макарова. В этой статье не было ни слова о контрреволюционной сущности романа, провидялся только мысль, что Макаров стал на путь «достоверности». Вот почему статья Нусинова была редактором забракована.

Выступившая на собрании И. Е. Усневич вводит основной недостаток и доклада Ставского и прений в том, что все говорит о следствиях деятельности руководства ЦСР, а не о причинах. Причины же эти, кратко сформулированные, таковы:

Руководство союза мало читает, мало знает, о чем пишут и думают писатели и критики. Вот почему не получается «творческий разговор» — даже тогда, когда ответственный секретарь правления делает попытку к этому. Кроме того, замечается некоторая вульгаризация в постановке руководством вопроса о художественной литературе. Нужно, например, отметить, что в союзе воспринято уже, казалось бы, похороненный принцип деления литературы по профессиональным, цеховым и т. п. признакам. Так, в анкете, рассыпанной некоторым критикам, фигурирует и «транспортная» тематика.

Это ли не упрощенческий подход к художественной литературе, не оснижение задач, стоящих перед всей писательской общественностью?

На собрании неоднократно высказывались мнения о бюрократизации управления Киришона, как руководителя секции. Выступивший Киришона на вечернем заседании 4 апреля явился лишним аргументом в пользу его обвинителей. Это было самолюбивое, высокомерное и бюрократическое выступление.

Если т. Киришона нашел у себя какие-то недостатки по линии административной и организационной работы, то, очевидно, вполне благополучной представляется ему все его творческая деятельность. Только этим и можно объяснить тот недостаток тон, который был им выявлен в отношении т. Фадеева, осмеивавшего критиковать Киришона. Это дело послужило поводом обвинить Фадеева в менторстве, в занаястве, пригнубить к ехидным намекам на то, что неудобно «за» выступать людям, которые «за двенадцать лет написали одну хорошую часть романа» и т. п. Иначе говоря, вместо того, чтобы провозгласить линию принципиального честного разговора, ваятую Фадеевым, Киришона предпочел путь вульгарной полемики.

Естественно убедительным моментом в выступлении Киришона был его ответ бывшему оргсекретарю драмсекции драматургу Г. Гайдовскому. Киришону удалось доказать в документах в руках, что Гайдовский, так «самоотверженно» критиковавший на собрании Киришона за бюрократизм, совсем недавно восторгался деятельностью Киришона.

На вечернем заседании выступил также т. Караваев, татарский писатель Гумиров и еврейский писатель Персов. Последним оратором выступил В. Пильняк, полверный своей оценке свои произведения.

Написанные под влиянием троцкистско-контрреволюционных Воронского и Радека. Пильняк заявил, что он надеется исправить свои тяжелые ошибки новым романом «Полюшко и Ленок», над которым он сейчас работает.

И. Ильф и Евг. Петров

Писатель должен писать *

— Товарищи, речь, которую я хочу произнести, написана вместе с Ильфом. (Смех. Аплодисменты). И мы хотим рассказать в ней обо всем, что нас беспокоит, тревожит, о чем мы часто говорим друг с другом. Вместо того, чтобы работать. То есть мы, конечно, работаем, но не так, как раньше. Прежде чем начать писать, час-другой пообщаемся довольно нервозно разговором о литературных делах, потому что эти дела не могут нас не волновать. И то, товарищи, мы надеемся, что после того, как мы вам здесь все расскажем, мы уже сможем садиться за работу, не теряя времени на предварительные разговоры.

Недавно в отделе прощестия «Правды» была напечатана заметка об одном молодом человеке по фамилии Халфин. Этот самый Халфин появился по телефону в Главном управлении внешней промышленности и сказал, что говорит из ЦК ВЛКСМ, что ЦК направляет в Баку и Тбилизи литературный бюджет для сбора материалов о «сталеновских» фототипической промышленности и что эти бюджетные деньги писатель Халфин как-то сумел отвести себе в карман. Мы же, товарищи, в основном, главным образом — материальном (Смех).

После этого Халфин пошел в бухгалтерию Главцеха и откровенно заявил, что Халфин по телефону не явился и что подучивший деньги — аферист.

подателя истории и географии, за левую-парашютную (Смех). Нет, он вылезл себя за писателя. (Смех). И сделал это расудительный Халфин потому, что легче всего подучить деньги, назвавшись писателем.

Другая сторона этого дела еще неприятнее. Представим себе на мгновение, что из ЦК ВЛКСМ действительно по повелению в Главцех и товарищи о действительной, всамделишной литературной бригаде. Но даже в этом случае нужно ли было бы раскодывать государственные деньги? Разве Лев Николаевич Толстой ходил к маме Наташи Ростовой просить денег на оплату «до детей» (Смех, аплодисменты). А если бы даже пошел? Ну, представим себе на мгновение этот невероятный случай! Мама все равно не отпустила бы средств на эти явно «оверсметные» расходы.

Такими вот старыми мамами должны быть и Главцех и Главбух, и Главцех и Главбух и Главцех и Главбух (Смех). Одним словом, все коллективные учреждения, имеет с жалостью очень немного общего.

Вследствие этого иногда получается такая картина: Писатель с твердо установленной репутацией таланта сдает новую рукопись в издательство. Как и полагается по рангу, книга сразу печатается несколькими изданиями. Еще до того, как читатель увидел книгу и дал свою оценку, критика подымает восторженный, одобрительный и скупный крик. Фантазия при этом не пылает. Книга записывается либо в «железный инвентарь» либо в «золотой фонд» (Смех). Если же никак нельзя записать книгу в инвентарь, ни в фонд, то о ней пишут, что она «заподлеет пробы». При этом не обращают внимания, какими художественными ценностями этот пробыл наполняется (Смех).

Многолетняя практика наших журналов и литературных органов показала этому множество примеров. Дилетантизм и невежество в этой области привели к тому, что число ложных репутаций приняло угрожающие размеры. Список талантов, хранившийся в канцелярии союза писателей (Смех) и принятый к руководству в издательствах, имеет с жалостью очень немного общего.

Вследствие этого иногда получается такая картина: Писатель с твердо установленной репутацией таланта сдает новую рукопись в издательство. Как и полагается по рангу, книга сразу печатается несколькими изданиями. Еще до того, как читатель увидел книгу и дал свою оценку, критика подымает восторженный, одобрительный и скупный крик. Фантазия при этом не пылает. Книга записывается либо в «железный инвентарь» либо в «золотой фонд» (Смех). Если же никак нельзя записать книгу в инвентарь, ни в фонд, то о ней пишут, что она «заподлеет пробы». При этом не обращают внимания, какими художественными ценностями этот пробыл наполняется (Смех).

Наконец, с приличным полугодием опозданием, книга выходит из свет и жадно расхватывается библиотеками. Она исчезает с магазинных прилавков в один день. Да и как не схватить это новое произведение искусства, когда оно совершенно точно сказано, что оно вошло в «железный инвентарь» или является жемчужиной «золотого фонда». Заведующий библиотекой должен иметь стальные нервы или по крайней мере волю Сталина, чтобы удержаться от покупки такой книги (Смех). Конечно, рынок и не столько обыкновенно, человечески, а что касается вкуса, и тут ничего сверхъестественного не наблюдается. И вот библиотекарь приобретает для своих абонентов сразу пятнадцать экземпляров новой книги и любовно ставит их на полку. В тот же день книгу разбирают по рукам.

Все это, товарищи, убеждает, что его произведением унаваются миллионы читателей, издатель радостно потирает руки и заявляет, что сделал хорошее коммерческое дело — продал товар без остатка. Писатель, не будь дурак, предлагает издателю подписать договор на новое издание своей книги, а издатель, не будь дурак, соглашается. Как не согласиться! Ведь книга разошлась чуть ли не в один день!

На фоне этого восторженного ликования особенно страшными кажутся те драматические события, которые тем временем разыгрываются в библиотеке. Читатели берут книгу и на другой день с недоимчивыми лицами возвращают ее. И с тех пор книгу больше не спрашивают. Если покататься в библиотеках, там можно найти целые полки совершенно обесцененных книг, вышедших еще так недавно, прогневших в прессе, беспрерывно переиздающихся и почти никем не читаемых.

Радует, однако, то, что громадное большинство литераторов живет честной, здоровой писательской жизнью. Репутация их несколько не преувеличена, не раздуты, часто даже преуменьшены, — стати, для писателя это только полезно. Живут они скромно. Могли бы жить лучше, если бы внимание издательства и союза не было так поглощено лишь двумя десятками человек (Смех), записанных когда-то в аманетный список, о котором уже шла речь.

Создается удивительная для писателя, но, к сожалению, имеющая

под собой некоторое основание, легенда о литературном Ольдроро, о чудном месте, куда падают о неба бесплатные дачи, денежные пособия, колоссальные тиражи и, опять-таки, великая слава, превосходящая славу Льва Толстого и Флобера вместе взятых. И бежит с протянутой ладью бесчисленные халтурчики и просто маурики, вроде Халфина. Когда видны, как пробрается к государственной кассе, растапливая потонных конкурентов, мосье Халфин, делая это советно.

Что привело к тому положению, которое существует сейчас? Самое опасное — это признать шлохую книгу дробкоачественной. Если хороший роман назвать хорошим, то это не значит, что через год он не будет еще десять хороших романов. — хороший роман написать трудно. — достаточно только расхватать какую-нибудь шлохую, неурядную книгу, как со всех сторон налетят десятки дрянных романов, повестушек и рассказов. Ведь плохие вещи писать очень дешево. Только свистните — притащат в любом количестве!

Вспомним, сколько неправильных, оторванных жизнью оценок было сделано в литературе, сколько книг было названо хорошими, а через два-три года выяснилось, что они никогда не были хорошими! Отсюда берут начало громкие, но пустые известности и выпуск обесцененных книжных авансов. Искусству нужна нормальная температура. Истеричность, нервное превознесение писателей, а через некоторое время так же истеричное сокращение их, — все это мешает работе.

Несколько дней назад т. Ващенко выступил в «Литературной газете» с заявлением, что молодой писатель Курочкин «на много голов выше некоторых несласуденно маститых писателей».

любят заниматься. Что, кроме вреда, может принести этот «сталеновский» взгляд на литературу? И этот вред уже наличен.

Сегодня в «Комсомольской правде» появилась статья, где написано, что Курочкин не только не на много голов выше кого-то, а писатель безжизненный, холодный, нарочитый и внушающий тревогу. Обе стороны ведут себя ужасно. Ващенко ни с того ни с сего размахивает каленом, а «Комсомольская правда» рубит — и начинающему, несомненно, способному писателю наносится вред с обеих сторон. Это — образцы примитивного отношения к искусству.

Литературная работа, сознательство — вещь необычайно сложная, в ней есть тысяча тонкостей. Когда же работа закончена, к ней, как мы только что видели, подходит с топором. Конечно, иногда есть самый сложный литературный труд может быть великим откровением как враждебный политический, я тогда, конечно, можно дуться в него и топор. Но в отношении произведений советских, которые не могут быть отгнугнуты в целом по политическим соображениям, топор не есть орудие критики и воспитания.

У нас в литературе создана школьная обстановка. Писателем беспрерывно ставят отметки. Пленушки носят характер экзаменов, где руководители союза перечисляют фамилии успевавших и неуспевавших, делают полугодовые и годовые выволы.

Вспомним, сколько неправильных, оторванных жизнью оценок было сделано в литературе, сколько книг было названо хорошими, а через два-три года выяснилось, что они никогда не были хорошими! Отсюда берут начало громкие, но пустые известности и выпуск обесцененных книжных авансов. Искусству нужна нормальная температура. Истеричность, нервное превознесение писателей, а через некоторое время так же истеричное сокращение их, — все это мешает работе.

Вспомним, сколько неправильных, оторванных жизнью оценок было сделано в литературе, сколько книг было названо хорошими, а через два-три года выяснилось, что они никогда не были хорошими! Отсюда берут начало громкие, но пустые известности и выпуск обесцененных книжных авансов. Искусству нужна нормальная температура. Истеричность, нервное превознесение писателей, а через некоторое время так же истеричное сокращение их, — все это мешает работе.

У нас в литературе создана школьная обстановка. Писателем беспрерывно ставят отметки. Пленушки носят характер экзаменов, где руководители союза перечисляют фамилии успевавших и неуспевавших, делают полугодовые и годовые выволы.

Вспомним, сколько неправильных, оторванных жизнью оценок было сделано в литературе, сколько книг было названо хорошими, а через два-три года выяснилось, что они никогда не были хорошими! Отсюда берут начало громкие, но пустые известности и выпуск обесцененных книжных авансов. Искусству нужна нормальная температура. Истеричность, нервное превознесение писателей, а через некоторое время так же истеричное сокращение их, — все это мешает работе.

У нас в литературе создана школьная обстановка. Писателем беспрерывно ставят отметки. Пленушки носят характер экзаменов, где руководители союза перечисляют фамилии успевавших и неуспевавших, делают полугодовые и годовые выволы.

И. НОВИЧ

Н. ГЛАГОЛЕВ

Герцен и русская литература

Художник-мыслитель

Известно, что в эпоху, когда жили и боролся Герцен, литература в России была едва ли не единственной областью, в которой еще жила живая мысль, отовсюду гонимая и гонимая оверлей, после восстания декабристов, реакции.

Литературные вопросы становились вопросами жизни и политической борьбы.

Дело, начатое 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, тягостно продолжалось и развивалось в области художественной литературы. В этом — одна из заслуг Герцена.

Его литературные взгляды неотделимы от революционной агитации, которую он вел с такой замечательной яркостью и силой.

Выходец из семьи, глава которой, И. А. Яковлев, из русских поэтов уважал лишь Державина и Крылова, да и то, как рассказывал Герцен в «Былое и думы», за то, что Державин написал оду на смерть Лопухина, а Крылов вместе с Яковлевым был секундантом на какой-то дуэли, сам Герцен воспитывался на образцах мировой литературы. Библиотека в доме отца, как и в других «дворянских» домах того времени, служившая своего рода принадлежностью домашней обстановки, стала для Герцена отроцеских лет школой.

Герцен признавался, что юность любила поражать воображение «бесконечно великими» образами в духе шиллеровской поэзии. Шиллеровские герои были для Герцена и Огарева как бы существовавшими, действительными личностями, и они любили этих героев или ненавидели их не как создания поэтического воображения, только, но как живых людей, часто видя в них свой идеал, свою мечту.

Они сумно подходили друг к другу — ранняя герценовская мечтаемая, хранящая живо воспоминание о годах 14 декабря, оппозиция против николаевского тирании и феодально-крепостнического наследия и буржуазное стремление маркиза Лоза.

Герцен исключительно высоко ценил, горячо любил и неустанно пропагандировал русскую литературу.

На заглавном листе первой же книги «Полярной звезды» он поставил пушкинское: «Да здравствует разум!»

Он гордился Пушкиным перед всем миром, не устал рассказывать о нем в своих зарубежных письмах к европейским общественным деятелям, писал о пушкинской поэзии много и любовно. Он называл преступлением гоголевскую «Перекладку друзьям» и восторженно писал о «Мертвых душах», считая, что в этом произведении жизнь сохранила со всей ее полнотой и правдой.

Он симпатизировал Тургеневу, когда тот писал «Записки охотника», в которых Герцен видел объяснение крепостничеству, но отмечая «пластическую мягкость и изысканность» Тургенева в раскрытии помещичьей жизни и брани его за Базарова: ведь Тургенев обрушился на тех же людей, что и реакция, высмеивал те же идеи, что и «камергеры от литературы», говорившие на «реакционном жаргоне».

Он ценит обличительное перо Салтыкова-Щедрина, а Писемского, за его реакционные писания, презри-

тельно называл «плюгавым».

Со всем фронтом литературной реакции в России своего времени Герцен неутомимо боролся.

★

Пристально следя за развитием русской литературы, Герцен особо выделял, прежде всего, ту литературу, которая «... высказывала, — как он писал в статье «Старый мир и Россия», — долю востановленных страстей, наполняющих грудь русского человека».

Литературное движение в России Герцен считал силой, прекрасно характеризующей русский народ.

Всю силу русской литературы Герцен видел в заключенном в ней, по его мнению, протесте против окружающей действительности расставания и насилия.

Герцен клеймил «статс-секретарей литературы», «литературных подражателей реакции», «охранителей»; литераторов катковского лагеря он называл «чернышными инквизиторами» и «литературными полициейщиками». Пречт. и Бугаева не в восторге, что они «занимались политическим делом, а не литературным».

Из всей предшествовавшей и современной ему литературы Герцен тщательно и любовно выделял зерна неподобающего против окружающей действительности, выдвигал, поддерживал, пропагандировал зарождающиеся демократические тенденции в русской литературе. Подчас он увлекался, выносил из там, где они едва ли были, но всегда руководил литьем его критерии оценки литературных критерии отношения к идеям и идеям писателя, то ли много художественного произведения, то ли фальшиво-крестьянская действительность.

Отмечая пессимистический характер современной ему русской поэзии, он добирался до источника ее пессимизма — общественных условий эпохи. Герцен подчас слышн критически относившись к неадекватности действительности, но его общей критерий оценки литературных явлений был исторически прогрессивен: это был критерий и Белинского, критерий беспощадного отрицания российской действительности эпохи николаевского царствования.

«Великий обвинительный акт», писал Герцен, — который русская литература составляет против русской жизни, ее полное и горячее отречение от собственных ошибок, от своих пороков, приходящая в ужас от своего прошлого, ее горькая ирония, завистливая ярость от настоящего, все это — наша надежда, это — наше спасение, прогрессивный элемент русской культуры. Это теория — об обличительном характере русской литературы его эпохи — Герцен не устал развивать в ряде статей, как не устал он обличать современную ему литературную реакцию.

В статье «Weg! dangerous!!!», грубо-ошибочно направленной против лагеря «Современника», Герцен, противопоставляя т. н. «чистым эстетикам» свою теорию обличительства в русской литературе, защищает литературу общественно-политической борьбы, борющейся за народ, со всей силой обрушивается на литературу, мелочно копящуюся в романтических антитезах. К герценовской «теории обличительства» в русской литературе, — к слову сказать, теории, развитой в 50-х гг., явля-

ющейся прямым продолжением революционно-просветительских традиций литературной критики Белинского, — примыкает идея народности литературы. Он призывает писателей к изображению страданий угнетенного народа.

Герцен и непосредственно обращался к народному творчеству, с сочувствием писал о народных песнях, в которых слышал бродившую в душе русского крестьянина «повсюду страдания». Герцен писал: «Русский мужик находил в своих песнях единственное знание для своих страданий. Он поет постоянно: когда работает, когда ведет свою лошадь, когда отдыхает у порога своей двери. Эти песни отличаются от песен других славян, и даже малороссов, глубокой грустью. Слова их — сплошная жалоба, которая тянется, как и его горе, в беспрерывных равнинах, в мрачных холмиках лесах, в бесконечных степях, не встречая дружеского отклика... это — горе завладевшей роком личности, это — упрек судье-мачете, горькая оудьба, это — славенное желание, не осмеливаясь высказаться в иной форме, это — песня женщинам, угнетенной своим мужем, мужа, угнетенного своим отцом или старшим, всех, наконец, угнетенных помещиком или царем».

С начала 50-х гг. Герцен пришел к своей теории об обличительном характере русской литературы к прямой политической борьбе против угнетенных в литературе «охранительства», которое Герцен с негодованием отмечал как «новую фау» русской литературы, ставшей выполнять обязанности тайной полиции.

С программой борьбы за уничтожение крепостного рабства, со всеми демократическими, политическими идеалами Герцен связывал призыв к «мужественной речи свободного человека».

Искандеровскую концепцию литературного развития в России он считал неустанным разоблачением не только положения писателя и литературы в России XIX века.

«Ужасная, черная судьба, — писал он, — выпадает на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня начертанного императорским скипетром; поэта, гражданина, мыслителя неумолимый рок толкает в могилу. История нашей литературы — или мариинрол, или регистр казней... Рылеев повешен Николаем. Пушкин убит на дуэли... Грибоедов арестан в Тегеране, Лермонтов убит на дуэли, тридцати лет, на Кавказе... Белинский — тридцати пяти лет голодом и нищетой... Полежаев умер в военном госпитале, «после службы солдатом на Кавказе в течение восьми лет».

Если просветительство в теории искусства явилось выразителем оппозиции аристократической эстетике искусства для искусства, выражением требования к искусству быть оружием общественного сознания.

★ 27 лет — И. Н.

Герцен — художник-просветитель, или, как выразился Белинский, «проведения, адвокат. В его творчестве рельефно, осязательно выступают элементы рационализма. И эту особенность творческого подхода Герцена-художника полагает Белинский, указывая, что сила его заключается в мысли, которую прочувствованно, вполне сознательно и развита. Могущество этой мысли — главная сила его таланта»¹.

Герцен — художник-мыслитель по преимуществу. Это — писатель, у которого определяющая формирующая роль идея, роль идейной задачи, поставленной художником, выступает отчетливо, легко прощупывается в каждом его произведении. Герцен — тенденциозный художник в лучшем смысле этого слова. Все его творчество подчинено конкретным общественно-политическим задачам. Каждое его произведение есть не просто иллюстрация, сценка из жизни, зарисованная рукой наблюдательного живописца, а прежде всего художественное доказательство определенной идеи, волеизъявление демократическим просветительским содержанием. В этом смысле Герцена можно сравнить по отношению к художественному творчеству с Чернышевским, провозвестником которого элемент рационализма, в лучшем смысле этого термина, играет огромную роль. Вот почему Белинский писал, что для такого художника, как Герцен, «выявлен не предмет, а смысл предмета, и их взаимодействие выписывает только для того, чтобы через верное представление предмета сделать в глазах всех очевидным и осязаемым смысл его».

Работа литератора, беллетриста для Герцена — прежде всего общественная деятельность. И этим он резко славной плеяде писателей революционной демократии, шедших в бой под знаменем Чернышевского. Литературную работу Герцена нельзя оторвать от его политической деятельности. Нельзя правильно понять и объяснить важнейшие художественные произведения Герцена, рассматривая их вне связи с его деятельностью как политика, философа, публициста.

Огромная культура, исключительная философская эрудиция, страстная политическая борьба — все это находило свое яркое и своеобразное отражение в художественных произведениях Герцена. Его работа беллетриста так тесно переплетается с деятельностью политика, философа, публициста, что это создает особые дополнительные трудности для исследователя литературы. Здесь и обнаруживается с особенной наглядностью недостаточность столь типичного для ревителей «слежановской ортодоксии» разрыв логического и образного осознания мира. На примере Герцена мы видим, как одно переходит в другое, как художественное подкрепляет собой политическое, политическое же ведет ли к художественному, как само художественное становится художественным словом.

Герцен — художник-мыслитель по преимуществу. Это — писатель, у которого определяющая формирующая роль идея, роль идейной задачи, поставленной художником, выступает отчетливо, легко прощупывается в каждом его произведении. Герцен — тенденциозный художник в лучшем смысле этого слова. Все его творчество подчинено конкретным общественно-политическим задачам. Каждое его произведение есть не просто иллюстрация, сценка из жизни, зарисованная рукой наблюдательного живописца, а прежде всего художественное доказательство определенной идеи, волеизъявление демократическим просветительским содержанием. В этом смысле Герцена можно сравнить по отношению к художественному творчеству с Чернышевским, провозвестником которого элемент рационализма, в лучшем смысле этого термина, играет огромную роль. Вот почему Белинский писал, что для такого художника, как Герцен, «выявлен не предмет, а смысл предмета, и их взаимодействие выписывает только для того, чтобы через верное представление предмета сделать в глазах всех очевидным и осязаемым смысл его».

Работа литератора, беллетриста для Герцена — прежде всего общественная деятельность. И этим он резко славной плеяде писателей революционной демократии, шедших в бой под знаменем Чернышевского. Литературную работу Герцена нельзя оторвать от его политической деятельности. Нельзя правильно понять и объяснить важнейшие художественные произведения Герцена, рассматривая их вне связи с его деятельностью как политика, философа, публициста.

Огромная культура, исключительная философская эрудиция, страстная политическая борьба — все это находило свое яркое и своеобразное отражение в художественных произведениях Герцена. Его работа беллетриста так тесно переплетается с деятельностью политика, философа, публициста, что это создает особые дополнительные трудности для исследователя литературы. Здесь и обнаруживается с особенной наглядностью недостаточность столь типичного для ревителей «слежановской ортодоксии» разрыв логического и образного осознания мира. На примере Герцена мы видим, как одно переходит в другое, как художественное подкрепляет собой политическое, политическое же ведет ли к художественному, как само художественное становится художественным словом.

В период с концом 30-х и в 40-х годах Герцен находится еще под сильным влиянием гоголевского реализма. О нем особенно замечательно «Записки одного молодого человека», в худ. стилистической характеристике обитателя города Маличова, но уже и здесь отчетливо выделяются индивидуальные черты Герцена-художника, его художественной манеры. Ошибочно было бы рассматривать это произведение как подражательное, лишнее черт творческой оригинальности. В нем присутствуют некоторые стилистические черты стилистического реализма, но они определяются, формируются как типичные особенности его творчества.

Диалог — излюбленная Герценом форма раскрытия и художественной защиты своей мысли. Здесь его ораторский талант, талант искусного полемиста, увлекательного рассказчика развертывается во всем своем блеске. Форма диалога типична для рассказов «Скуки ради» и «Поврежденный». Диалог постоянно встречается нам в «Былом и дум», «Воспоминаниях», «Записках охотника». Мы все же хотим этим сказать, что вопрос о диалоге приобретает характер, так сказать, проблемы первостепенного порядка, когда мы подходим к анализу статей Герцена.

Мы знаем художников (например, Толстой, Достоевский), у которых диалог служит реально используемым средством раскрытия, обнаружения существенных черт типичного характера, раскрытия их в конфликте, столкновении, борьбе (что составляет одну из самых сильных сторон гения Достоевского), раскрытия процесса чувства в его зарождении, нарастании, его кульминационных проявлениях и т. д. у Герцена мы часто наблюдаем другое. У него диалог имеет, так сказать, пропагандистскую функцию обоснования, аргументации, защиты какой-либо идеи. Такова функция названного диалога в «Записках одного молодого человека» и в рассказе «Скуки ради» и других произведениях этого художника-публициста.

«Скуки ради», по мнению, не означает, что у Герцена нет типичных характеристик, достаточных для названия романа («То виноват?»; нельзя, разумеется, отказываться в типичности и образам «Сороки-воронки». Но Герцен оставил целый ряд небольших рассказов, повел, представляющих собою скорее лирическое сюжетное единство сценею отдельных сцен, зарисовок, диалогов и т. д. К этим произведениям страшно было бы предъявлять требование развернутого изображения типичных характеров. По самой своей художественной структуре произведения этой группы приближаются чаще к типу публицистического очерка, и это мы должны иметь в виду, изучая вопрос об особенностях художественной типизации у Герцена.

Еще сложнее дело с таким монументальным произведением, как «Былое и думы», этой своеобразной художественной и в то же время публицистической историей целого поколения, эпохи. Значение «Былого и дум» выходит далеко за рамки явления историко-литературного: это — величайшей важности документ для изучения не только русской, но и западноевропейской истории общественной мысли. Для историка литературы «Былое и думы» — прежде всего художественное мемюары, крупнейшее произведение Герцена-художника, дающее необычайно много для изучения его

стиля, его художественного языка, его политического, философского и литературного развития; «Былое и думы» — это настоящий клад для всякого специалиста по исследованию литературных жанров. В нем Герцен обнаруживает изумительное искусство в использовании самых разнообразных литературных жанров.

«Былое и думы» — это ошеломляющее и серия красочных картин русского и западноевропейского общества и художественная автобиография. Это вместе с тем — монументальный творческий итог деятельности Герцена-писателя. Как художественные мемюары «Былое и думы» занимают совершенно исключительное место не только в русской, но и в западноевропейской литературе по богатству художественного реалистического и идейно-философского содержания.

Герцен — художник субъективный по преимуществу. Эта субъективность, естественно, проявилась в «Былом и дум», больше, чем в каком-либо другом его произведении. Субъективная оценка многих исторических деятелей, особенно Западной Европы, приводит Герцена к частым отклонениям от исторической правды, к неверным выводам и обобщениям, к ложному распределению света и тени. Но, несмотря на это, «Былое и думы» сохраняет огромное значение, главным образом, в плане художественной характеристики типичных черт русской общественной жизни эпохи 30—40-х годов. Николаевская камарилья и ее нравы обрисованы в тончайшей тонкой, художественно отделанной, но не теряющей ничего в силе своего удара, реалистической картине. Портреты современников такой живой, эмоциональной, так сказать, выходящими за пределы факта, передавая основное и своеобразное в каждом из них. Неадекватному Картинам русского общества неадекватно и неповторимым в своей изысканности прелести рисунка, исполненного иронии в чисто герценовском вкусе.

Лиризм, действующий тем сильнее, чем он плод зрелого ума и сердца, пережившего так много; истинная изобретательность и историчность «бесценных» портретов; величественный талант рассказчика и полемиста, пользующегося в совершенстве оружием памфлета; обогащение русского прозаического языка лучшими сокровищами литературного языка Франции; умор в изумительном богатстве его оттенков и мастерства прикрасы — все это характерно для изумительного стиля «Былого и дум».

Герцен-художник вырос, воспитался на художественном наследии Пушкина и Гоголя и усвоил лучшие традиции этих классиков. Он создал свой глубоко оригинальный стиль, стиль художника-публициста, он стал одним из самых ярких фигур в среде писателей этого рода.

Труднейшая советской земли будущее наследие Герцена, замечательного мыслителя и крупнейшего художника, просветителя и демократа, «выгнавшего великую роль в подготовке русской революции» (Ленин).

★

Выходец из семьи, глава которой, И. А. Яковлев, из русских поэтов уважал лишь Державина и Крылова, да и то, как рассказывал Герцен в «Былое и думы», за то, что Державин написал оду на смерть Лопухина, а Крылов вместе с Яковлевым был секундантом на какой-то дуэли, сам Герцен воспитывался на образцах мировой литературы. Библиотека в доме отца, как и в других «дворянских» домах того времени, служившая своего рода принадлежностью домашней обстановки, стала для Герцена отроцеских лет школой.

Герцен признавался, что юность любила поражать воображение «бесконечно великими» образами в духе шиллеровской поэзии. Шиллеровские герои были для Герцена и Огарева как бы существовавшими, действительными личностями, и они любили этих героев или ненавидели их не как создания поэтического воображения, только, но как живых людей, часто видя в них свой идеал, свою мечту.

Они сумно подходили друг к другу — ранняя герценовская мечтаемая, хранящая живо воспоминание о годах 14 декабря, оппозиция против николаевского тирании и феодально-крепостнического наследия и буржуазное стремление маркиза Лоза.

Герцен исключительно высоко ценил, горячо любил и неустанно пропагандировал русскую литературу.

На заглавном листе первой же книги «Полярной звезды» он поставил пушкинское: «Да здравствует разум!»

Он гордился Пушкиным перед всем миром, не устал рассказывать о нем в своих зарубежных письмах к европейским общественным деятелям, писал о пушкинской поэзии много и любовно. Он называл преступлением гоголевскую «Перекладку друзьям» и восторженно писал о «Мертвых душах», считая, что в этом произведении жизнь сохранила со всей ее полнотой и правдой.

Он симпатизировал Тургеневу, когда тот писал «Записки охотника», в которых Герцен видел объяснение крепостничеству, но отмечая «пластическую мягкость и изысканность» Тургенева в раскрытии помещичьей жизни и брани его за Базарова: ведь Тургенев обрушился на тех же людей, что и реакция, высмеивал те же идеи, что и «камергеры от литературы», говорившие на «реакционном жаргоне».

Он ценит обличительное перо Салтыкова-Щедрина, а Писемского, за его реакционные писания, презри-

тельно называл «плюгавым».

Со всем фронтом литературной реакции в России своего времени Герцен неутомимо боролся.

★

Пристально следя за развитием русской литературы, Герцен особо выделял, прежде всего, ту литературу, которая «... высказывала, — как он писал в статье «Старый мир и Россия», — долю востановленных страстей, наполняющих грудь русского человека».

Литературное движение в России Герцен считал силой, прекрасно характеризующей русский народ.

Всю силу русской литературы Герцен видел в заключенном в ней, по его мнению, протесте против окружающей действительности расставания и насилия.

Герцен клеймил «статс-секретарей литературы», «литературных подражателей реакции», «охранителей»; литераторов катковского лагеря он называл «чернышными инквизиторами» и «литературными полициейщиками». Пречт. и Бугаева не в восторге, что они «занимались политическим делом, а не литературным».

Из всей предшествовавшей и современной ему литературы Герцен тщательно и любовно выделял зерна неподобающего против окружающей действительности, выдвигал, поддерживал, пропагандировал зарождающиеся демократические тенденции в русской литературе. Подчас он увлекался, выносил из там, где они едва ли были, но всегда руководил литьем его критерии оценки литературных критерии отношения к идеям и идеям писателя, то ли много художественного произведения, то ли фальшиво-крестьянская действительность.

Отмечая пессимистический характер современной ему русской поэзии, он добирался до источника ее пессимизма — общественных условий эпохи. Герцен подчас слышн критически относившись к неадекватности действительности, но его общей критерий оценки литературных явлений был исторически прогрессивен: это был критерий и Белинского, критерий беспощадного отрицания российской действительности эпохи николаевского царствования.

«Великий обвинительный акт», писал Герцен, — который русская литература составляет против русской жизни, ее полное и горячее отречение от собственных ошибок, от своих пороков, приходящая в ужас от своего прошлого, ее горькая ирония, завистливая ярость от настоящего, все это — наша надежда, это — наше спасение, прогрессивный элемент русской культуры. Это теория — об обличительном характере русской литературы его эпохи — Герцен не устал развивать в ряде статей, как не устал он обличать современную ему литературную реакцию.

В статье «Weg! dangerous!!!», грубо-ошибочно направленной против лагеря «Современника», Герцен, противопоставляя т. н. «чистым эстетикам» свою теорию обличительства в русской литературе, защищает литературу общественно-политической борьбы, борющейся за народ, со всей силой обрушивается на литературу, мелочно копящуюся в романтических антитезах. К герценовской «теории обличительства» в русской литературе, — к слову сказать, теории, развитой в 50-х гг., явля-

ющейся прямым продолжением революционно-просветительских традиций литературной критики Белинского, — примыкает идея народности литературы. Он призывает писателей к изображению страданий угнетенного народа.

Герцен и непосредственно обращался к народному творчеству, с сочувствием писал о народных песнях, в которых слышал бродившую в душе русского крестьянина «повсюду страдания». Герцен писал: «Русский мужик находил в своих песнях единственное знание для своих страданий. Он поет постоянно: когда работает, когда ведет свою лошадь, когда отдыхает у порога своей двери. Эти песни отличаются от песен других славян, и даже малороссов, глубокой грустью. Слова их — сплошная жалоба, которая тянется, как и его горе, в беспрерывных равнинах, в мрачных холмиках лесах, в бесконечных степях, не встречая дружеского отклика... это — горе завладевшей роком личности, это — упрек судье-мачете, горькая оудьба, это — славенное желание, не осмеливаясь высказаться в иной форме, это — песня женщинам, угнетенной своим мужем, мужа, угнетенного своим отцом или старшим, всех, наконец, угнетенных помещиком или царем».

С начала 50-х гг. Герцен пришел к своей теории об обличительном характере русской литературы к прямой политической борьбе против угнетенных в литературе «охранительства», которое Герцен с негодованием отмечал как «новую фау» русской литературы, ставшей выполнять обязанности тайной полиции.

С программой борьбы за уничтожение крепостного рабства, со всеми демократическими, политическими идеалами Герцен связывал призыв к «мужественной речи свободного человека».

Искандеровскую концепцию литературного развития в России он считал неустанным разоблачением не только положения писателя и литературы в России XIX века.

«Ужасная, черная судьба, — писал он, — выпадает на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня начертанного императорским скипетром; поэта, гражданина, мыслителя неумолимый рок толкает в могилу. История нашей литературы — или мариинрол, или регистр казней... Рылеев повешен Николаем. Пушкин убит на дуэли... Грибоедов арестан в Тегеране, Лермонтов убит на дуэли, тридцати лет, на Кавказе... Белинский — тридцати пяти лет голодом и нищетой... Полежаев умер в военном госпитале, «после службы солдатом на Кавказе в течение восьми лет».

Если просветительство в теории искусства явилось выразителем оппозиции аристократической эстетике искусства для искусства, выражением требования к искусству быть оружием общественного сознания.

★ 27 лет — И. Н.

Герцен — художник-просветитель, или, как выразился Белинский, «проведения, адвокат. В его творчестве рельефно, осязательно выступают элементы рационализма. И эту особенность творческого подхода Герцена-художника полагает Белинский, указывая, что сила его заключается в мысли, которую прочувствованно, вполне сознательно и развита. Могущество этой мысли — главная сила его таланта»¹.

Герцен — художник-мыслитель по преимуществу. Это — писатель, у которого определяющая формирующая роль идея, роль идейной задачи, поставленной художником, выступает отчетливо, легко прощупывается в каждом его произведении. Герцен — тенденциозный художник в лучшем смысле этого слова. Все его творчество подчинено конкретным общественно-политическим задачам. Каждое его произведение есть не просто иллюстрация, сценка из жизни, зарисованная рукой наблюдательного живописца, а прежде всего художественное доказательство определенной идеи, волеизъявление демократическим просветительским содержанием. В этом смысле Герцена можно сравнить по отношению к художественному творчеству с Чернышевским, провозвестником которого элемент рационализма, в лучшем смысле этого термина, играет огромную роль. Вот почему Белинский писал, что для такого художника, как Герцен, «выявлен не предмет, а смысл предмета, и их взаимодействие выписывает только для того, чтобы через верное представление предмета сделать в глазах всех очевидным и осязаемым смысл его».

Работа литератора, беллетриста для Герцена — прежде всего общественная деятельность. И этим он резко славной плеяде писателей революционной демократии, шедших в бой под знаменем Чернышевского. Литературную работу Герцена нельзя оторвать от его политической деятельности. Нельзя правильно понять и объяснить важнейшие художественные произведения Герцена, рассматривая их вне связи с его деятельностью как политика, философа, публициста.

Огромная культура, исключительная философская эрудиция, страстная политическая борьба — все это находило свое яркое и своеобразное отражение в художественных произведениях Герцена. Его работа беллетриста так тесно переплетается с деятельностью политика, философа, публициста, что это создает особые дополнительные трудности для исследователя литературы. Здесь и обнаруживается с особенной наглядностью недостаточность столь типичного для ревителей «слежановской ортодоксии» разрыв логического и образного осознания мира. На примере Герцена мы видим, как одно переходит в другое, как художественное подкрепляет собой политическое, политическое же ведет ли к художественному, как само художественное становится художественным словом.

Герцен — художник-просветитель, или, как выразился Белинский, «проведения, адвокат. В его творчестве рельефно, осязательно выступают элементы рационализма. И эту особенность творческого подхода Герцена-художника полагает Белинский, указывая, что сила его заключается в мысли, которую прочувствованно, вполне сознательно и развита. Могущество этой мысли — главная сила его таланта»¹.

Герцен — художник-мыслитель по преимуществу. Это — писатель, у которого определяющая формирующая роль идея, роль идейной задачи, поставленной художником, выступает отчетливо, легко прощупывается в каждом его произведении. Герцен — тенденциозный художник в лучшем смысле этого слова. Все его творчество подчинено конкретным общественно-политическим задачам. Каждое его произведение есть не просто иллюстрация, сценка из жизни, зарисованная рукой наблюдательного живописца, а прежде всего художественное доказательство определенной идеи, волеизъявление демократическим просветительским содержанием. В этом смысле Герцена можно сравнить по отношению к художественному творчеству с Чернышевским, провозвестником которого элемент рационализма, в лучшем смысле этого термина, играет огромную роль. Вот почему Белинский писал, что для такого художника, как Герцен, «выявлен не предмет, а смысл предмета, и их взаимодействие выписывает только для того, чтобы через верное представление предмета сделать в глазах всех очевидным и осязаемым смысл его».

Работа литератора, беллетриста для Герцена — прежде всего общественная деятельность. И этим он резко славной плеяде писателей революционной демократии, шедших в бой под знаменем Чернышевского. Литературную работу Герцена нельзя оторвать от его политической деятельности. Нельзя правильно понять и объяснить важнейшие художественные произведения Герцена, рассматривая их вне связи с его деятельностью как политика, философа, публициста.

Огромная культура, исключительная философская эрудиция, страстная политическая борьба — все это находило свое яркое и своеобразное отражение в художественных произведениях Герцена. Его работа беллетриста так тесно переплетается с деятельностью политика, философа, публициста, что это создает особые дополнительные трудности для исследователя литературы. Здесь и обнаруживается с особенной наглядностью недостаточность столь типичного для ревителей «слежановской ортодоксии» разрыв логического и образного осознания мира. На примере Герцена мы видим, как одно переходит в другое, как художественное подкрепляет собой политическое, политическое же ведет ли к художественному, как само художественное становится художественным словом.

В период с концом 30-х и в 40-х годах Герцен находится еще под сильным влиянием гоголевского реализма. О нем особенно замечательно «Записки одного молодого человека», в худ. стилистической характеристике обитателя города Маличова, но уже и здесь отчетливо выделяются индивидуальные черты Герцена-художника, его художественной манеры. Ошибочно было бы рассматривать это произведение как подражательное, лишнее черт творческой оригинальности. В нем присутствуют некоторые стилистические черты стилистического реализма, но они определяются, формируются как типичные особенности его творчества.

Диалог — излюбленная Герценом форма раскрытия и художественной защиты своей мысли. Здесь его ораторский талант, талант искусного полемиста, увлекательного рассказчика развертывается во всем своем блеске. Форма диалога типична для рассказов «Скуки ради» и «Поврежденный». Диалог постоянно встречается нам в «Былом и дум», «Воспоминаниях», «Записках охотника». Мы все же хотим этим сказать, что вопрос о диалоге приобретает характер, так сказать, проблемы первостепенного порядка, когда мы подходим к анализу статей Герцена.

Мы знаем художников (например, Толстой, Достоевский), у которых диалог служит реально используемым средством раскрытия, обнаружения существенных черт типичного характера, раскрытия их в конфликте, столкновении, борьбе (что составляет одну из самых сильных сторон гения Достоевского), раскрытия процесса чувства в его зарождении, нарастании, его кульминационных проявлениях и т. д. у Герцена мы часто наблюдаем другое. У него диалог имеет, так сказать, пропагандистскую функцию обоснования, аргументации, защиты какой-либо идеи. Такова функция названного диалога в «Записках одного молодого человека» и в рассказе «Скуки ради» и других произведениях этого художника-публициста.

«Скуки ради», по мнению, не означает, что у Герцена нет типичных характеристик, достаточных для названия романа («То виноват?»; нельзя, разумеется, отказываться в типичности и образам «Сороки-воронки». Но Герцен оставил целый ряд небольших рассказов, повел, представляющих собою скорее лирическое сюжетное единство сценею отдельных сцен, зарисовок, диалогов и т. д. К этим произведениям страшно было бы предъявлять требование развернутого изображения типичных характеров. По самой своей художественной структуре произведения этой группы приближаются чаще к типу публицистического очерка, и это мы должны иметь в виду, изучая вопрос об особенностях художественной типизации у Герцена.

Еще сложнее дело с таким монументальным произведением, как «Былое и думы», этой своеобразной художественной и в то же время публицистической историей целого поколения, эпохи. Значение «Былого и дум» выходит далеко за рамки явления историко-литературного: это — величайшей важности документ для изучения не только русской, но и западноевропейской истории общественной мысли. Для историка литературы «Былое и думы» — прежде всего художественное мемюары, крупнейшее произведение Герцена-художника, дающее необычайно много для изучения его

стиля, его художественного языка, его политического, философского и литературного развития; «Былое и думы» — это настоящий клад для всякого специалиста по исследованию литературных жанров. В нем Герцен обнаруживает изумительное искусство в использовании самых разнообразных литературных жанров.

«Былое и думы» — это ошеломляющее и серия красочных картин русского и западноевропейского общества и художественная автобиография. Это вместе с тем — монументальный творческий итог деятельности Герцена-писателя. Как художественные мемюары «Былое и думы» занимают совершенно исключительное место не только в русской, но и в западноевропейской литературе по богатству художественного реалистического и идейно-философского содержания.

Герцен — художник субъективный по преимуществу. Эта субъективность, естественно, проявилась в «Былом и дум», больше, чем в каком-либо другом его произведении. Субъективная оценка многих исторических деятелей, особенно Западной Европы, приводит Герцена к частым отклонениям от исторической правды, к неверным выводам и обобщениям, к ложному распределению света и тени. Но, несмотря на это, «Былое и думы» сохраняет огромное значение, главным образом, в плане художественной характеристики типичных черт русской общественной жизни эпохи 30—40-х годов. Николаевская камарилья и ее нравы обрисованы в тончайшей тонкой, художественно отделанной, но не теряющей ничего в силе своего удара, реалистической картине. Портреты современников такой живой, эмоциональной, так сказать, выходящими за пределы факта, передавая основное и своеобразное в каждом из них. Неадекватному Картинам русского общества неадекватно и неповторимым в своей изысканности прелести рисунка, исполненного иронии в чисто герценовском вкусе.

Лиризм, действующий тем сильнее, чем он плод зрелого ума и сердца, пережившего так много; истинная изобретательность и историчность «бесценных» портретов; величественный талант рассказчика и полемиста, пользующегося в совершенстве оружием памфлета; обогащение русского прозаического языка лучшими сокровищами литературного языка Франции; умор в изумительном богатстве его оттенков и мастерства прикрасы — все это характерно для изумительного стиля «Былого и дум».

Герцен-художник вырос, воспитался на художественном наследии Пушкина и Гоголя и усвоил лучшие традиции этих классиков. Он создал свой глубоко оригинальный стиль, стиль художника-публициста, он стал одним из самых ярких фигур в среде писателей этого рода.

Труднейшая советской земли будущее наследие Герцена, замечательного мыслителя и крупнейшего художника, просветителя и демократа, «выгнавшего великую роль в подготовке русской революции» (Ленин).

Л. Плоткин Ленин о Герцене

Удивительно яро и многообразна деятельность Герцена. В истории русской и мировой культуры он выдвинул одну из самых блестящих страниц. Проницательнейший мыслитель, пламенный революционер, сильный и самобытный художник, один из лучших мемуаристов в мировой литературе, неутомимый боец против самодержавия, против великой мерзости и жестокости, певец свободной и справедливой личности — он, как и другие великие русские писатели, воплотил в себе свободулюбие, человечность, многогранность и талантливость своего народа.

В обширной литературе о Герцене особое место занимает гениальная статья Ленина «Памяти Герцена». В изучении автора «Былого и дум» она составила эпоху. Верные образ Герцена была воссоздана в ней мастерской рукой во всем своем величии. Для того, чтобы в полной мере осознать всю историческую значительность ленинской статьи, надо понять, в какой конкретной обстановке статья эта появилась.

Отношение к Герцену со стороны либеральной и правой печати с 30-х годов и до 1912 года претерпело значительную эволюцию. В 1846 году Шевырев в «Москвитянин»¹ издалека над Искандеровскую статью благодарил и житейской мудрости. В 1850 году в Бердеев была названа «исключительная брошюра», принадлежавшая Валуеву, чиновнику особых поручений при главном управлении цензуры: «Искандер Герцен». Предвещающая будущий поход литературы черносотенцев против Герцена, от перепуганных намерений революционной угрозы чиновника, вслух высказавшейся перед начальством, с циничной откровенностью сетовала: «Право, жалко для блага самого Герцена, что русская полиция не послала его куда-нибудь дальние Вятки и не отдала у него способов видеть себе и другим».

Особенно обильно антигерценовская литература была представлена в шестидесятые годы. В эту пору выходит брошюра Шале-Феррери, за которую с автором Писарев поплатился заключением в Петропавловскую крепость.

В 1862 году появляется известный пасквиль Каткова «Заметка к названию «Колокола» — классический образец погромного черносотенного творчества. Выступление Каткова не осталось одиночным. Его примеру последовали и другие.

Императорская Россия мобилизовала не мало продажных перьев для «обличения» великого изгнанника, и на Герцена нахлынула потоки лжи, клевет и позорной лжи и клеветы. Даже смерть его этого потока не остановила. «Всеобщая газета» в своем некрологе не без основания писала: «Многие русские газеты, поставив планку на свежую голову Искандера, который всю жизнь всем существом своим отдавался на служение родине, уже исполнили свое дело. Но имя Герцена слишком велико для того, чтобы эти проклятия злобы и ненависти могли пролиться хотя какучибудь тьма на его далекую от нас могилу»².

Еще в 1855 г. печатались воспоминания о Герцене с такими сентенциями: «Это тот же Стенька Разин писателя, в какой бы оппозиции он ни был со своим правительством, не найдете этой дикой необузданности пера, как в Герцене»³.

Но уже в первый герценовский юбилей (придании к столетию его рождения), в 1900 году оправдалась великая слова Ленина о том, что угнетенные классы, которые при жизни великих революционеров платят им бесценную ненависть и лютую злобу, пытаются после смерти превратить этих революционеров в безгрешные иконы. «Рыцари либеральной российской языкоблудия», — как их называл Ленин, — предприняли все для того, чтобы обезвредить Герцена, выхолостить революционную сущность его деятельности, превратить его в плоского ординарного либерала и в таком искаженном, фальсифицированном, изуродованном виде сделать его приемлемым для «благочестивых» России. Можно привести множество фактов, подтверждающих это.

Особенно широко развернулась эта фальсификаторская деятельность в 1912 году — в столетие со дня рождения

Ленина. И правая печать и либеральные ренегаты пытались опровергнуть своему подлому, трусливому и лицемерному походу против революции.

П. Струве в своей речи на заседании кружка им. Герцена 27 марта 1912 г. утверждал, что Искандер разочаровался в революции, потому что не мог совместить с ней аристократическую мечту о преобразованном мире; Герцену Струве рисовал как эволюциониста, смело отбрасывая в его «слов» революционной фразеологии.

А. Кизеветтер видел в нем «надежнейшее лекарство и от политического мечтательного романтизма и от бесплодных протестации, порождаемое временными политическими разочарованиями».

